

Сюй Сымяо невинно произнёс:

— Я так долго лежал в Лондоне, на этот раз я действительно невиновен.

Будь честен, не устраивай проблем, только хорошее сотрудничество может создать прекрасную историю.

Сюй Сымяо не собирался глупо сопротивляться. Перед людьми, чьи личности были очевидны, но о которых нельзя было говорить, он знал, что если вести себя хорошо, небо не рухнет на землю.

Человек, который их встречал, с натянутой улыбкой подошёл поздороваться, не собираясь представляться.

Его лицо было строгим и не подходило для фальшивых улыбок. Даже когда он начал вежливо разговаривать, в его голосе сразу же проступила привычная властность.

Его острый взгляд упал на Хань Сюня, тон его был как можно мягче, но всё равно звучал жёстко:

— Хань Сюнь, пожалуйста, пройдёмте с нами.

Хань Сюнь: ...

Он ошибся, подозревая Сюй Сымяо. Оказывается, это было направлено против него самого!

Ситуация изменилась слишком быстро. Хань Сюнь со смешанными чувствами сказал Сюй Сымяо:

— Не волнуйся, иди домой и жди меня. Спокойно пиши и выздоравливай.

Сюй Сымяо почувствовал себя ещё более неуверенно. Он произнёс эти слова всего две минуты назад, а теперь Хань Сюнь вернул их ему в точности. Роль «камня, ожидающего мужа» поменялась, и контраст был слишком велик, чтобы принять его.

— Я не уйду, — тихо сказал Сюй Сымяо. — Без тебя какой дом?

Молодые влюбленные, только что подтвердившие свои отношения, были слишком слащавы.

Сюй Сымяо без колебаний обнял Хань Сюня и начал что-то шептать ему на ухо. Лица встречающих посинели от злости, и только тогда он смилостивился и отпустил его.

Команда, которая их встречала, сразу же увезла Хань Сюня из аэропорта и направилась в Линьчэн, находящийся в четырёх часах езды.

В машине царил серьёзная и напряжённая атмосфера. Сопровождающие лишь сухо заявили:

— Мы получили приказ доставить вас в академию. Всё остальное обсудим после допроса.

Эти люди, видимо, привыкли допрашивать преступников, их тон был жёстким и холодным, не подходящим для вежливых разговоров.

Хань Сюнь тоже не хотел выведывать у них информацию. Он был чист перед законом и не боялся никаких вопросов.

Однако поездка была слишком долгой и скучной.

Он откинулся на спинку сиденья, почти засыпая, и думал о своём маленьком льве.

Золотистый мех развевался на ветру, мощное тело двигалось грациозно. Независимо от того, как быстро ехала машина, Асы мог следовать за ней, запрыгнуть на крышу, проникнуть через окно и покончить со всеми злодеями.

Мысли были свободны и не поддавались контролю. Закрыв глаза, Хань Сюнь представлял, как Асы ставит лапу на плохих парней, выглядевших красиво и величественно.

Когда они прибыли в Линьчэн, машина замедлила ход.

Хань Сюнь редко бывал в этом соседнем городе и не имел о нём особых впечатлений.

Те знаменитые здания Линьчэна, которыми город гордился, мелькали за окном, но он не успел их рассмотреть, как машина остановилась.

Однако место, куда его привезли для допроса, было совсем не таким, как он ожидал!

Это не было полицейским участком, не военной частью и не судом.

Это была Сухопутная академия Линьчэна.

Хань Сюнь был незнаком с армией, но имел некоторое представление о Сухопутной академии Линьчэна.

Когда он увидел сияющие золотом буквы на воротах академии, он сразу вспомнил о Центре кино и телевидения «Чанкун», известном как пропагандистский орган сухопутных войск и военный «МИД».

Как и ожидалось, через несколько минут машина остановилась перед восьмиэтажным П-образным зданием. На площади перед зданием стоял камень с надписью: «Настоящий путь через трудности — это железо, и теперь мы делаем шаг вперёд».

Как только Хань Сюнь вышел из машины, к нему подошёл пожилой мужчина в сером костюме «чжуншань».

— Добро пожаловать, — его лицо было гораздо живее, чем у окружающих военных. — Здравствуй, товарищ Хань Сюнь. Меня зовут Гэн Дун, я старый друг Вэнь Хэшаня. Вы проделали долгий путь из Великобритании, пройдёмте, выпьем чаю в моём кабинете.

Гэн Дун был слишком дружелюбен, что смутило Хань Сюня.

Он мысленно представлял, как отдаёт сопровождавших его военных своему маленькому льву для тренировки, но увидев Центр кино и телевидения «Чанкун», понял, что это его родная стихия.

Хань Сюнь облегчённо выдохнул и с горькой улыбкой сказал:

— Старейшина Гэн, если у вас есть просьба, просто скажите, не нужно было специально отправлять людей за мной.

Приём был похож на арест и допрос. Хань Сюнь не знал, не мучится ли сейчас Сюй Сымяо,

ожидающий за пределами академии, и не хочет ли он ворваться внутрь, чтобы узнать, что происходит.

Гэн Дун вздохнул:

— Не то чтобы я не хотел, но не мог. Мы поговорим об этом позже.

Хотя Гэн Дун предложил выпить чаю в своём кабинете, войдя туда, Хань Сюнь увидел ожидавших его военных, чьи серьёзные взгляды явно не настраивали на дружескую беседу.

Как только Хань Сюнь вошёл, Гэн Дун протянул ему документ:

— Хань Сюнь, по правилам, мы должны сначала подписать соглашение о неразглашении, прежде чем говорить.

Хань Сюнь не испытывал интереса к таким строго регулируемым местам и проектам.

Центр кино и телевидения «Чанкун», как пропагандистский орган сухопутных войск, выпускал фильмы и сериалы, связанные с армией, демонстрируя дух китайской сухопутной армии.

Очень патриотично, но и очень однообразно.

Он вырос на фильмах Центра «Чанкун» и за две жизни никогда не думал, что окажется здесь, чтобы обсудить проект, требующий подписания соглашения о неразглашении.

— Старейшина Гэн, я совершенно не разбираюсь в армии. Хотя я не знаю, зачем вы меня сегодня вызвали, я хочу сразу сказать: если вы хотите, чтобы я написал сценарий для фильма или сериала о сухопутных войсках, у меня нет таких способностей, я не смогу.

Хань Сюнь был честен с собой. Даже если «Спасение века» успешно разрушило заклятие зрителей, не смотрящих трагедии, и помогло бесстрашным китайским военным повысить свою популярность в будущем мире, это не значит, что он сможет справиться с темой «современного военного».

В конце концов, образы главных героев в основном были созданы Цзоу Чуньшэном, и он не осмеливался хвастаться, что умеет писать о военных.

Его откровенность не была оценена, а вызвала лишь насмешливый смехок:

— Не волнуйтесь, мы не позволим человеку, у отца которого есть судимость, писать сценарии.

Хань Сюнь прищурился, холодно глядя на этого мужчину средних лет.

Мужчина был в военной форме, держался прямо и не боялся взгляда Хань Сюня.

Он встал и сказал Гэн Дуну:

— Старейшина Гэн, похоже, ваш рекомендованный сценарист уже сдался, даже не вступив в бой. Как раз нам и не нужны такие люди в проекте.

Гэн Дун выглядел слегка смущённым. Он тщательно обдумал своё предложение, но ранее оно было отвергнуто директором Цю из-за проблем с отцом Хань Сюня. Однако теперь ситуация стала настолько серьёзной, что никто, кроме Хань Сюня, не мог решить проблему. Директор Цю махнул рукой, приказал отследить дату возвращения Хань Сюня в страну и отправил людей

забрать его прямо из аэропорта.

Но директор Цю поставил условие: сначала нужно подписать соглашение о неразглашении, чтобы человек с нечистой репутацией и тесными связями с Великобританией не мог раскрыть секреты.

Соглашение о неразглашении не было проблемой, Гэн Дун не боялся, что не сможет убедить Хань Сюня.

Но он не ожидал, что директор Цю сразу же начнёт придирааться.

— Директор Цю, это совершенно невежливо, — строго сказал Гэн Дун. — Кроме того, Хань Сюнь ещё не видел требования к проекту, и его слова о том, что он не сможет написать, вполне нормальны. Вы не должны так поспешно принимать решения.

— Его способности не важны, если у него нет смелости, он нам не нужен, — сказал директор Цю, собираясь уходить.

Но Хань Сюнь взял ручку, даже не глядя на соглашение о неразглашении, подписал его и сказал:

— Старейшина Гэн, я подписал. Теперь расскажите, что это за сценарий.

Его отношение изменилось слишком быстро, и директор Цю с подозрением посмотрел на подписанное соглашение, насмешливо спросив:

— Разве вы не сказали, что не можете писать о военных?

— Я действительно не умею писать о военных, которые защищают родину и стоят насмерть, — с насмешливой улыбкой ответил Хань Сюнь. — Но таких высокомерных и невежливых военных, как вы, я написать могу.

Директор Цю с сложным выражением лица посмотрел на своих коллег, которые тихо смеялись, и понял, что Хань Сюнь намеренно ему противостоит.

Но этот строгий военный не разозлился, а громко рассмеялся.

— Директор Цю Ебинь из Центра кино и телевидения «Чанкун», — он отдал Хань Сюню серьёзный воинский салют и улыбнулся. — Приятно познакомиться, извините за грубость, прошу прощения, учитель Хань.

Центр «Чанкун» действительно столкнулся с серьёзной проблемой.

Сверху было прямое указание снять фильм, отражающий дух современной сухопутной армии.

Фильм — это не проблема, у «Чанкуна» было множество проектов, готовых к съёмкам. Если нужно, они могли сразу приступить к работе.

Как и в прошлом.